

Олег Осетинский, киносценарист. Когда я познакомился с Веней, он уже был тяжело болен. Он лежал после операции. Все время лежал и лежал, а мы с ним все пили и пили... Помню, мы ездили на премьеры его пьес, которые ставили маленькие театры. В тот предсмертный год, когда мы довольно часто общались, у него были сразу три премьеры. Все они проходили одинаково. Мы втроем - Веня, его жена Галя и я - устраивались на балконе. У меня был пакет с бутылочкой чаи, у Гали - сумка с коньяком и закуской. Через пять минут после начала Веня нетерпеливо толкал меня коленкой. Мы разливали спиртное в маленькие стаканчики и начинали пить. Однажды в театре МГУ к нам подошла американская журналистка и попросила Веню об интервью. Ерофеев согласился ответить на ее вопросы в следующем антракте. Вообще антрактов в пьесе было три, и всякий раз, когда настойчивая журналистка подходила к нашей группе, Веня очень вежливо просил ее подойти позже. В результате, когда она подошла к нам после спектакля, у нас троих была одна задача - не упасть. Веня тогда не потерял самообладание и, держа обещание, дал интервью. Что именно он говорил, я не помню, но говорил он хорошо...

Лучшие часы мы с Веней, как ни странно, проводили в полном молчании. Он считал так: "Хорошо, когда есть друг, с которым можно поговорить. Но еще лучше, когда есть друг, с которым можно помолчать..." Мы замечательно молчали. Мы просто сидели и слушали музыку. Веня обожал Малера, Сибелиуса, Шостаковича, Шуберта и даже Шнитке, которого я лично не люблю и слушал из уважения к Вене. Мне было интересно в эти минуты наблюдать за Веней - за тем, как он слушает музыку.

бочно, что лучшее осталось здесь и именно в России может родиться великая литература.

И вот однажды сижу у себя в мастерской, и вдруг звонок в дверь. Время - шесть вечера. Иду открывать и вижу на пороге Славу Лена, а с ним - высокого красивого мужчину с голубыми глазами и густой, зачесанной на пробор, шеве-

Через полчаса приехал Мессерер, привез плоский, позарез нужный флакон коньяка, и после его ухода обнаружил в каждом кармане по полсотни. Отличный малый Мессерер!

На самом деле Веня забыл у меня не записную книжку. Он забыл свою "говорилку" - эту штуковину, которую он подставлял к горлу, чтобы его голос слышали. Без него он не мог говорить. И когда он наутро позвонил мне, то просто молчал. Это было тяжелое молчание. Но я сразу понял, что это - Веня, и выехал к нему. Я привез его "говорилку", и мы с ним тогда дивно выпили...

Тяжелое тогда было время. Шла борьба с пьянством. У винных магазинов стояли кошмарные очереди, которые тянулись на сотни метров. Веня жил на Флотской улице и почти ежедневно стоял в этих жутких очередях. Стоял, чтобы купить пару "мерзавчиков" коньяка, потому что на большее денег у него не было. Когда я думаю об этом - представляю себе Веню, зажатого в очереди у винного прилавка, - меня охватывает ужас...

Наталья Шмелькова, искусствовед. С Венедиктом Ерофеевым я была знакома в течение трех лет (последних в его жизни) и благодарна судьбе за встречу с этим замечательным человеком.

Своими литературными учителями Ерофеев считал Салтыкова-Щедрина, раннего Достоевского, Гоголя, Стерна. Про Гоголя, например, говорил:

"Если бы не было Николая Васильевича, и меня бы как писателя тоже не было, и в этом не стыдно признаться". Современную отечественную литературу обсуждать не любил - мало кого в ней признавал и из тех немногих особенно выделял Василя Быкова и Алеся Адамовича. В литературе (как и вообще в людях) не переносил бездушия. Как-то сказал: "Я хоть и сам люблю позубоскалить, но писать нужно с дрожью на губах, а у них этого нет". Во многих писателях его коробила "победоносная самоуверенность". "Писатели, - говорил он, - должны ходить с опущенной головой". Не признавал напыщенности. Писать, считал Ерофеев, нужно так, как говоришь.

Сам писал легко и быстро, на одном дыхании, когда накатывало вдохновение.

Многие чуть ли не до последних дней его жизни обращались к писателю с просьбой - дать письменное интервью, написать предисловие к авторскому сборнику стихов... Он часто отказывал, отшучиваясь: "Времени нет, оно все уходит на то, чтобы не умереть". Тем не менее, ложась в марте 88-го года на вторую операцию, на благополучный исход которой не надеялся, Ерофеев взял в больницу необходимые материалы для работы над "Фанни Каплан". "Как жаль, - сказал он тогда, - если не закончу свою самую смешную вещь!"

Когда я усомнилась, что он сможет работать в таком тяжелом состоянии, ответил: "Ты меня плохо знаешь, ведь я человек сюрпризный". И, немного помолчав, добавил: "Наверное, Господь от меня еще что-то ждет, и скорее всего две вещи, а иначе зачем все это тянуть?..."

Ерофеев интересовался политикой, пристально следил за происходящими в мире событиями. Он успевал просматривать многие газеты и журналы, а когда проходил съезд народных депутатов СССР - не отрывался от телевизора... Никаких принципиальных перемен в сторону лучшего он не ожидал, но все происходящее в стране считал важным и исключительным интересным. Однажды сказал: "Меня скоро не будет, а ты когда-нибудь будешь испытывать гордость за то, что жила в это время".

Ерофеев не оставался равнодушным к любым трагическим событиям. Помню, как 5 мая 89 года по телевизору передали, что в районе Уфы сошел с рельсов поезд. Как ему показалось, я слушала это сообщение с несколькими рассеянным видом. Он возмущился: "Ты как будто посторонняя, как будто по ту сторону, а я, как всегда, рыдаю"...

После вечера я шел по темным московским улицам и думал о Вене. Я представлял себе, как он выпивал, слушал музыку и смотрел в окно. Я удивлялся тому, что и друзья, и люди, никогда не встречавшие этого человека, называют его "Веничкой". И это были приятные мысли, уносящие к чему-то давно потерянному и забытому... Спросили бы меня: "Кто такой Чубайс?" - я бы в этот момент не ответил...

Затисал В. РЕШЕТНИКОВ.

Лицо

Странное событие произошло в Москве. Оно не было связано ни с "МММ", ни с перестановками в правительстве, ни с падением рубля. В Доме архитектора тихо и душевно прошел вечер памяти Венички Ерофеева. Как сказал ведущий, "Сегодня мы пригласили людей, которые хорошо знали Веню, и попросили их рассказать о встречах с писателем". Корреспондент "Недели" сидел в зале и с недоумением фиксировал происходящее.

Драгоценные воспоминания о Веничке Ерофееве

Мне кажется, что в эти мгновения раскрывалась его подлинная сущность - чрезвычайно одинокого, несчастного человека с нежной, ангельской душой. Это был тот самый лирический герой из "Петушков" - плохо одетый пассажир электрички, едущий вместе со всей страной через похабщину, через ужас и смерть и сохраняющий в чистоте свою душу... В этом великий смысл его бессмертных поэмы.

Как писатель Веня был человеком уровня Пушкина, Достоевского, Гоголя. Это был великий писатель, на котором русская классическая литература закончилась. После Вени началась другая литература - какая угодно, но другая. Говорю это без осуждения. Просто тот гимн гуманизма и духовности, который назывался русской классической литературой, закончился, достигнув своего пика: И пиком был Веня.

Вопреки расхожему утверждению Веня не был алкоголиком. Его пьянство не было просто зауравным пьянством. Это было погружение в некий сон. Ему тогда необходимо было подкачиваться. Он знал, что жизнь отсчитывает последние часы, и держался спокойно, мужественно и без малейшей претензии на мужественность. Такое поведение называют духовным аристократизмом. Это высший уровень духовного развития, которого я сам мечтаю когда-нибудь достичь...

Борис Мессерер, художник. Как-то раз у меня в мастерской на Поварской улице собрались друзья, и разговор зашел о Вене. Кто-то бросил идею об установке ему памятника, и мы стали размышлять, каким он мог бы быть. Поскольку Веня и его лирический герой были едины, мы решили, что следует установить две одинаковые бронзовые скульптуры, изображающие идущего Веничку. Одну скульптуру надо установить на Курском вокзале (Веня идет в сторону Петушков), а вторую - на вокзале в Петушках (Веня идет в сторону Москвы)... Идея нам так понравилась, что мы даже начали поиски спонсоров для воплощения в жизнь этого проекта. Может, это еще удастся сделать...

Знаете, я все думаю: как Венедикт Ерофеев вошел в мою жизнь? После того как вышла поэма "Москва - Петушки", я очень захотел познакомиться с ее автором. В те годы мне иногда удавалось бывать за границей, и Запад, ошеломляя совершенно, вселял в меня какое-то ноющее чувство досады за Россию. Казалось, что все там - вся наша лучшая литература, весь русский интеллектуальный потенциал бежал и обосновался на Западе. Но после публикации "Петушков" я понял, что это впечатление оши-

лорой, седыми прядями ниспадающей на лоб. Это был Веничка. Таким я его навсегда запомнил.

Гости принесли две бутылки шампанского. У меня в холодильнике была водка и какая-то закуска. В общем, я усадил их за стол и бросился к телефону делиться радостью со своими знакомыми. Дозвонился тогда до Битова, который поначалу не хотел ко мне ехать, но узнав, что у меня Веничка, сказал, что тотчас выезжает.

В тот вечер мы выпивали и говорили о литературе, заваливая Веню вопросами. Нас интересовало его мнение об известных писателях. Веня сидел с задумчивым видом, глядел в окно и отвечал как-то односложно. Мы называли имя какого-нибудь литературного генерала, а он после небольшой паузы произносил лишь одно слово: "Говно..." Мы называли другую фамилию. Веня тихо произносил то же самое... И вот кто-то сказал: "А Битов?". Ответ был тем же... Битов, надо отдать ему должное, на это совсем не обиделся. "Веня, ты меня никогда не обидишь, - сказал он. - Я всегда буду преклоняться перед тобой." И Ерофеев этот благородный жест оценил. Он как-то сразу стал мягче и осторожнее в своих суждениях.

Потом Битов ушел, Слава Лен заснул на диванчике, а я потащил Веню в ресторан Дома кино. Веня согласился ехать, хотя ресторанов не признавал, считая их чем-то диким. Он обычно выступал в более простом жанре...

Недавно мне пришел привет от Вени с того света. Я прочел статью о нем в "Литгазете". И там была приведена запись из его дневника. Примерно так она звучала: "Я был в гостях у Бориса. Провел вечер в душевной беседе за коньячком. Уехал в веселых и приятных мыслях. Утром просыпаюсь и вспоминаю, что забыл свою записную книжку. Звоню - так и есть."